

Алексей Величко

**Епистимонарх
и спаситель Церкви**

Алексей Михайлович Величко
Епистимонарх и
спаситель Церкви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68773581

SelfPub; 2023

Аннотация

Статья о том, когда, кем и зачем спасалась церковь в разные периоды своей истории

Содержание

I	6
II	10
III	22
IV	33

Алексей Величко

Епистимонарх и спаситель Церкви

«У нас всегда была и есть забота, правую и неукоризненную веру христианскую и благосостояние святейшей Божией Кафолической и Апостольской Церкви во всем соблюдать непричастными смятениям. Это мы поставили первую из всех забот, и мы уверены, что за нее и в настоящем мире нам Богом дано и сохраняется царство и покорены враги нашего государства, и надеемся, что за нее и в будущем веке мы обретем милосердием перед Его благодатью»

император св. Юстиниан Великий¹.

«Народ... и не понял бы раздвоенности между государством и Церковью, ибо в личности православного государя олицетворяется вся сумма юридической власти в народе, и уже от мудрости государя зависит не упускать из вида необходимости различного образа действий в Церкви и в государстве».

Н.С. Суворов²

¹ «Слово благочестивейшего императора Юстиниана, посланное к Мине, святейшему и блаженнейшему архиепископу благополучного города и патриарху, против нечестивого Оригена и непотребных его мнений» // Деяния Вселенских Соборов (далее – ДВС). В 3 т. Т. 3. СПб., 1996. С. 514.

² Суворов Н.С. Курс церковного права. В 2 т. Т.2. Ярославль, 1890. С.28, 29.

В сентябре 1187 г. Византийский император *Исаак II Ангел* (1185-1195) впервые употребил термин «*епистимонарх*» применительно к царственным особам этой великой Империи, что представляется весьма многозначительным событием. Дело заключается в том, что первоначально, в седую старину, термин «*епистимонарх*» означал начальствующее лицо над науками и монашескими занятиями. Позднее «*епистимонархом*» начали называть особого монастырского надзирателя, «*будильщика*», который ночью поднимал всю братию, начиная с настоятеля, к утреннему богослужению. Во время Литургии «*будильщик*» обходил кельи, чтобы привести в храм спящих или опаздывающих монахов. А днем «*епистимонарх*» следил, чтобы монахи не сходились для праздных слов и бездельничанья, вразумляя и напоминая им об их иноческих послушаниях. Теперь же из монастырской жизни термин «*епистимонарх*» был перенесен на императора, но в отношении не к монастырям, а *ко всей Католической Церкви* в целом³.

В этой связи вполне уместен вопрос: насколько правомерна была эта мера и породившая ее вековая практика церковно-государственных отношений? Вправе ли монарх принимать на себя блюстительство Церкви, и к каким результатам привела их деятельность в данном направлении?

³ Суворов Н.С. Учебник церковного права. М., 2004. С. 425.

I

Существуют явления, содержание которых не исчерпывается теми открытиями, которые сделаны ранее. К таковым, конечно же, относится Церковь Христова, неисчерпаемая в своем существе, тайная и открытая, познанная и непостижимая одновременно, налагающая тень мистического покрывала на все окружающие ее предметы, преображающая человека, соединяющая его с Богом, наполняющая истинным смыслом существования нашу жизнь, а также формы социального и личного бытия, которые так привычны нам и естественны. И которые, в отличие от Церкви, как кажется, имеют сугубо материальную природу, «земные» в буквальном смысле этого слова, а потому не должны иметь с ней ничего общего. Отсюда легко следует тот часто повторяемый вывод, согласно которому Церковь, желающая оставаться сама собой, не должна погружаться в «земное», тем паче уподобляться ему или, что еще хуже, становиться от него в зависимость.

Безусловно, Церковь – институт *сакральный* по своей божественной природе. Означает ли это, однако, что она способна существовать *вне* государства, как нам предлагают? Вопрос, очевидно, риторический, поскольку с таким же успехом можно утверждать, будто Церковь вообще должна существовать *помимо* человеческого общества, высшей фор-

мой которого является именно государство. Что она – «общество избранных», живущих изолированно ото всех, пусть даже «избранные» молятся за весь мир. Собственно говоря, все сочетания на эту тему свидетельствуют лишь о том, что их апологеты рассматривают Церковь не как полноту во Христе божьего народа, а как совокупность пресвитеров и епископов. Иными словами, искусственно и ложно меняют и предмет рассмотрения, и угол, под которым на него падает взгляд исследователя.

Не для «избранных» пришел на землю Христос и принял зрак раба. Не за «отдельные» грехи был мучим и распят, а за всех нас, каждого и всякого. Да, «избранных» – мало, но «званных»-то много (Мф.22:14). А уж *как* каждый из нас ответит на призыв Спасителя – это вопрос, обращенный к нашей душе и совести. Даже в годы жесточайших гонений во времена язычества и двумя тысячелетиями спустя Церковь никогда не огораживалась от мира, но даже, истекая кровью мучеников, исповедников и праведников, несла слово Евангелия всему миру, подставляя одну щеку, когда ее били по другой. (Мф.5:39). Потому что Христос открыл людям и делом подтвердил нечто, ранее недоступное для нашего развращенного грехом сознания: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас», чтобы называться «сынами Бога» (Мф.5:44.45).

Что же тогда говорить о временах ее *государственного бы-*

тия, для которых характерна практика решительного и содержательного вмешательства верховной власти в ее догматы, вероучение, каноническую и богослужебную практику? Но иначе и быть не могло, поскольку нравственно здоровое (а, следовательно, *религиозное* общество) не может не связывать стабильность своего существования с чистотой избранного им культа, сохранением истинной веры и верности Богу, благочестием человека. А, следовательно, ни общество, ни тем более христианская верховная власть не считала себя вправе оставаться «свободными» от уяснения догматов христианства и их защиты от любых интерпретаций и ложных толкований.

В этой связи практически все административные меры и политические решения государственной власти в лице христианских императоров относительно Церкви основывались на твердом осознании ею того факта, что она ответственна перед Богом за правоверие своих подданных и спокойствие Церкви. Разумеется, это было невозможно, если бы императоры, во-первых, не пытались *содержательно* познать учение Церкви и твердо следовать ему, и, во-вторых, не применяли всю силу государственной мощи и своих высших прерогатив для устранения всего того, что расстраивает спокойствие церковного мира, искажает истину Христову, отвращает человека от Бога и тем самым губит его. Конечно же, последнее становилось невозможным без *личного* участия императоров в деле формирования православных догматов и

устранения всего того, что (пусть иногда и ошибочно) воспринималось как ересь или неправоверие.

II

Первый величественный прецедент на сей счет был дан еще *св. Константином Великим* (306-337), когда возникла ересь арианства. Как известно, на первых порах император не придал спору между Александрийским епископом *св. Александром* (313-328) и пресвитером Арием большого значения. Василевс был уверен в том, что ситуация выправится сама собой при взаимном согласии спорящих сторон и терпимости к мнению соперника. «Я внимательно *рассуждал* о начале и *предмете вашего спора* (выделено мной. – А.В.), – писал он обеим сторонам конфликта, – повод к нему мне показался вовсе не таким, чтобы по нему надобно было начинать спор»⁴.

Общение с епископом *св. Осией Кордубским* (256-359), которого василевс отправил в Александрию для изучения обстоятельств конфликта, изменило, однако, позицию *св. Константина*, о чем свидетельствует его новое письмо Арию. В нем царь не просто ниспровергает доводы ересиарха, а указывает, *как* тому следует верить. «Признаешь ли, что Бог един? Мое мнение таково; так мысли и ты. Говоришь ли, что Слово Бога, по существу своему, не имеет ни начала, ни конца? Хвалю и за это; верь так. Если что-нибудь приплетешь

⁴ «Послание Императора Константина к епископу Александру и пресвитеру Арию» //ДВС. В 3 т. Т. 1. СПб., 1996. С. 30.

далее, я отвергаю. Если еще что-нибудь придумаешь, я не хочу того ни видеть, ни слышать»⁵. Несложно понять: равноапостольный василевс без всяких сомнений полагал, что исповедуемая им вера истинна и *обязательна* для всех римлян. И это при всем том, что к тому времени он не был еще не только не крещен, но даже оглашен.

Но поскольку спор не утихал, а вовлекал новые тысячи сторонников обеих церковных партий, император распорядился созвать в 325 г. в Никее Вселенский Собор, открыв тем самым счет этим великим творениям Церкви. Разумеется, он не собирался устраняться от исследования предмета богословских прений, но деятельно включился в него. «Бог освобождает через меня бесчисленное множество народов, подвергнувшихся игу рабства (то есть язычеству. – *А.В.*), чрез меня – своего служителя, и приводит к Своему вечному Свету», – писал он Отцам Никейского собора. – Хотя мой ум считает несвойственным себе изведывать совершеннейшую чистоту кафолической веры, однакож побуждает меня принять участие в вашем совете и в ваших рассуждениях»⁶.

В другом послании св. Константин напрямую говорит о себе, как о *сослужителе епископов*, когда вместе с ними принимает участие в исследовании истины⁷. Эта же мысль скво-

⁵ «Послание Императора Константина к Арию и арианам» // ДВС. Т. 1. С. 34.

⁶ «Речь Императора Константина Святому Собору» // ДВС. Т. 1. С. 44.

⁷ «Послание Императора Константина к Александрийской церкви против Ария» // ДВС. Т.1. С. 79.

зит еще в одном письме равноапостольного императора, написанном уже по окончании Вселенского Собора. В частности, здесь он прямо утверждал, что подобно другим епископам, сослужителем которых является, исследовал предмет спора⁸.

В последующем все Вселенские Соборы, равно как богословские диспуты XII столетия при императорах *Алексее I* (1081-1118) и *Мануиле I* (1143-1180) *Комнинских*, а также исихастские споры XIV в. в правление императоров *Андроника II Младшего* (1328-1341), его супруги царицы *Анны Савойской* (1328-1347), *Иоанна VI Кантакузена* (1347-1354) и *Иоанна V Палеолога* (1341-1391), проходили при самом деятельном участии со стороны верховной политической власти, которой по праву приписывалось ниспровержение ересей, терзавших тело Церкви.

Единственное исключение явил император *св. Феодосий Младший* (408-450), сознательно не пожелавший вторгаться в спор между Константинопольским патриархом *Несторием* (428-431) и Александрийским архиепископом *св. Кириллом* (412-444). Всем известно, чем закончилось его намерение ограничить круг участников диспута епископатом – на несколько десятилетий церковная жизнь была парализована, пока Халкидонский собор 451 г., также детище императорской власти, не поставил точку над *i* в этом споре и вытекаю-

⁸ «Послание Императора Константина из Никеи к епископам, не присутствовавшим на Соборе» // ДВС. Т. 1. С. 80.

щих отсюда богословских дебатах о двух природах в Христе. Вполне последовательно реализуя свои прерогативы в деле управления Церковью, цари и позднее вовсе не ограничивались организационно-формальной стороной дела, но на пример св. Константина Великого выносили свое авторитетное суждение по всем богословским вопросам, ставшим актуальными на тот момент времени. Пожалуй, наиболее глубокое впечатление в этом отношении производят исследования императора *св. Юстиниана Великого (527-565)*, который в 527 г. издал безупречно православный государственный (!) закон «О Всевышней Троице и Кафолической вере».

«Поскольку правая и непорочная религия, – утверждал он, – которую исповедует и проповедует Святая Божественная Кафолическая и Апостольская Церковь, не признает никакой новизны, то мы, следуя учению святых Апостолов и пастырей Церкви, признали необходимым объявить всенародно, как мы, руководствуясь Преданием и исповеданием св. Божьей Кафолической Церкви, понимаем веру нашу таким образом». И далее следует изложение православного вероисповедания⁹. Разумеется, оно являлось *единственно допустимым* для всех, кто желал называть себя православным христианином и оставаться членом Церкви Христовой.

Деятельное и практически всегда *спасительное* для Церк-

⁹ *Феохтист (Попов), иеродиакон.* Император Юстиниан и его заслуги в отношении к Церкви Христовой//Христианские императоры Рима. Пермь, 2005. С. 103.

ви участие царей в ее делах было по достоинству оценено современниками. Достаточно напомнить, в каких восторженных словопрениях Отцы Вселенских Соборов воздавали им должное. В частности, императрице *св. Пульхерии* (450-453), «матери» Халкидонского собора, и его «отцу» императору *св. Маркиану* (450-457), его участники восторженно скандируют на последнем заседании: «Да сохранит Бог хранильницу веры! Да сохранит Бог постоянно благочестивую, православную, противницу еретиков! Ваша жизнь – охрана всех! Ваша вера – слава церквей! Ты восстановил церкви, ты утвердил Православие! Царство ваше да будет во век! Победитель врагов, *Учитель веры!* (выделено мной. – А. В.)»¹⁰.

Не менее лестные и искренние возгласы были слышны и на заседаниях Шестого Вселенского Собора 680-681 гг. в адрес императора *св. Константина IV* (668-685): «Многие лета Стражу Православия! Господи, сохрани Утверждение Церквей! Господи, спаси Стража веры!»¹¹.

Ведущая роль императора *Юстиниана II* (685-695; 705-711) в организации и проведении Трулльского собора 690-691 гг. («Пято-Шестого Вселенского»), а еще больше – в утверждении его актов и придании им общеобязательной силы была очевидной для Отцов этого выдающегося вселенского собрания. «Когда мы беспечно проводили свою жизнь и покоились в умственном сне, Христос Бог наш, восстано-

¹⁰ ДВС. В 3 т. Т. 3. СПб., 1996. С. 68, 69.

¹¹ ДВС. В 3 т. Т. 4. СПб., 1996. С. 213.

вил в твоём лице мудрого нашего правителя, благочестивого императора, решающего дела по сущей правде, сохраняющего истину во век, делающего осуждение и оправдание посреди земли и шествующего непорочным путем», — восклицали они. — Чтобы Церковь жила в мире, Господь и поставил во главе ее императора — *главного хранителя веры и благочестия* (выделено мной. — А.В.)».

«Которого, — продолжают Отцы, — одевши добродетелями, исполнивши Божественного духа, премудрость сделала глазом Вселенной, ясно просвещающим своих подданных чистотой и блеском ума. Которому она поручила Свою Церковь и научила днем и ночью заботиться о ее законе к усовершенению и назиданию подручных народов. Который, умертвивши грех силой благочестия и благоразумия, захотел избавить и паству от зла и заразы»¹².

Их убеждение в благодатности для Церкви императорской власти разделяли и Римские папы, которых по личным качествам и твердом следовании учению о главенстве кафедры святого Петра в церковной иерархии совершенно невозможно заподозрить в сиюминутной конъюнктуре.

Так, Римский епископ *Агафон* (678—681) обращается в своем письме к императору св. Константину IV: «Ваша императорская власть печется и старается тщательно исследовать

¹² «Приветственное слово Отцов, собравшихся в Константинополе в императорском дворце Трулле, к благочестивейшему императору Юстиниану» // ДВС. Т. 4. С. 271.

довать истину неповрежденной веры, как она предана от Апостолов и апостольских отцов, и имеет сильнейшее желание видеть во всех церквах сохранение истинного предания. Пусть ваше поставленное от Бога величество внимательно рассмотрит оком внутреннего рассуждения, которое удостоилось при свете благодати Божией прозирать нужды христианских народов: кому из этих учителей должен следовать христианский народ, которого из них учения принять, чтобы получить спасение. Мы уверены, что совершение этого дела Всемогущий Бог предоставил вашей кротости, дабы, заступая на земле место и ревность самого Господа нашего Иисуса Христа, удостоившего венчать вашу власть, вы произнесли справедливый суд за Евангельскую и Апостольскую истину»¹³.

Более того, апостолик считал *величайшей радостью*, что император исследует вопросы веры. «Предвидится надежда на получение всяких благ, – писал он царю, – в виду того, что ваше императорское величество с верою исследует и с живостью желает обнять истинное исповедание Того, Которым оно венчано и поставлено над людьми для спасительного ими управления, исповедание Ему приятнее всех даров»¹⁴.

¹³ «Послание папы Агафона» // ДВС. Т. 4. С. 31, 51, 52, 53.

¹⁴ «Послание Агафона и Римского собора ста двадцати пяти епископов, которое было как бы инструкцией легатам, посланным на Шестой Собор» // ДВС. Т. 4. С. 55.

Его скорый преемник папа *Лев II* (682—683) излагал аналогичные по духе и букве суждения: «Соборным решением и голосом императорского эдикта, как обоюдоострым мечом духа, уничтожено вместе с древними ересьями и заблуждение нового безобразия и низвергнуты виновники лжи вместе со своим богохульством». Гимном царской власти звучат слова этого апостолика, который был убежден, что «христианнейший из царей при содействии Божьей благодати», «отложивши на время свое царское достоинство, пожелал причислить себя к обществу иереев ради ревности к Богу» и обсуждать с ними богословские проблемы¹⁵.

При всем величии и значимости императорской деятельности по организации и проведению Вселенских Соборов, это, однако, лишь малая толика их заботы о Церкви. Действия императорской власти обуславливались стремлением обеспечить Церковь от посягательств как вовне, так и изнутри в текущем режиме. Для чего, как минимум, необходимо было сопрягать и другие царские акты с содержанием церковного учения, христианскими традициями и Священным Преданием. Например, когда император св. Юстиниан Великий своим законом определял иерархию церковных кафедр, он без сомнения исходил из того убеждения, что именно Римская церковь сохранила в чистоте и неизменно-

¹⁵ «Список отношения, посланного от святейшего и блаженнейшего папы древнего Рима Льва к благочестивейшему и христоробивому императору Константину, подтверждающего и принимающего сделанное и определенное на Святом Шестом Вселенском Соборе» // ДВС. Т. 4. С. 260, 261.

сти учение Христа и Его Апостолов. Как следствие, в 131-й новелле (545 г.) василевс писал: «Основываясь на правилах Святых Соборов, определяем святейшему епископу древнего Рима быть первым пред всеми, а блаженнейшему епископу Константинополя, нового Рима, занимать второе место после престола древнего Рима и быть выше всех прочих». Следом по очереди шли патриархи Александрии, Антиохии и Иерусалима.

Участие царя в делах Церкви, как «власть имеющего», прекрасно иллюстрирует, например, утверждение им вновь назначенных лиц на патриаршие кафедры. Уже св. Юстиниан Великий определил, что *все* патриархи подлежат утверждению императором после их избрания, не исключая, конечно, и Римского понтифика. В противном случае они подлежали лишению сана, как незаконно избранные¹⁶.

Переходя от примера к примеру, обратим внимание на особенность законодательной техники времен Византийской империи. Дело в том, что практически каждый закон императора сопровождался развернутой преамбулой, в которой не только объяснились мотивы и цели его издания, но и содержались ссылки на Священное Писание и идею справедливости, содержащуюся в христианском вероучении.

Хрестоматийный пример явил, в частности, император *Роман I Лакапин* (919-944), принявший закон о защите бед-

¹⁶ *Феоктист (Попов), иеродиакон*. Император Юстиниан и его заслуги в отношении к Церкви Христовой. С. 140–142.

няков против земельной аристократии («властителей»). Содержание его настолько возвышенно, что нельзя не привести его максимально полно.

«Есть люди, – повествует император, – которые заботятся только о земных благах и временном благополучии, отказываясь таким образом от прав на небесные награды и забывая о дне Судном. Такие люди – причина всех бедствий... Но за бедных вступается Сам Господь. Если же Сам Бог, возведший нас на царство, восстает на отмщение убогих, то как можем мы пренебречь своим долгом или вконец позабыть о своей обязанности, когда именно от одних очей царских бедняк ждет себе здесь утешения. Мы постановляем это не из ненависти к сильным, – продолжает василевс, – но из благорасположения к бедным, ради защиты и ради общего блага. Ибо те, которые получили от Бога власть и возвысились славою и богатством вместо того, чтобы взять на себя попечение о бедных, смотрят на них как на свою добычу»¹⁷.

Далее царь напомнил «властителям», некогда посредством спекуляции землей поднявшихся в элитарные круги византийского общества, что помимо земных благ существует еще и Суд Христов. «Есть люди, которые по рождению принадлежат к сословию бедных, но по милости Божественного Промысла из своей более скромной доли поднялись наверх и достигли лучшего положения в жизни. Мы считаем

¹⁷ Успенский Ф.И. История Византийской империи. В 5 т. Т.3. М., 2002. С.316-318.

справедливым, чтобы они оставались при том наследстве и владении, которое им сначала досталось. Они не должны, преступая мерку своего первоначального состояния, являться причиной бедствий своих соседей, отнимая у них разбойнически имущество. Скорее таким беднякам, поднявшимся наверх, следовало бы, памятуя особенную к ним милость Божию, оказывать благорасположение к своим односельчанам и, имея в виду неизвестность будущего, а также неизбежность Страшного суда, не превращать имущества ближних в предмет хищничества»¹⁸.

Не менее яркий пример явил император *св. Никифор Фока* (963-969). В 964 г. он издал новеллу относительно монастырского имущества и констатировал многочисленные факты уклонения монахов от своего высокого духовного предназначения, которые посчитал необходимым срочно и решительно устранить.

«Не каждый ли час они (монахи. – *А.В.*) стараются приобрести тысячи десятин земли, строят великолепные здания, разводят бесконечные табуны лошадей, стада волов, верблюдов и другого скота, обращая на это всю заботу своей души, так что монашеский чин ничем уже не отличается от мирской жизни со всеми ее суетами? Разве Слово Божье не гласит нечто тому противоположное и не заповедует нам пол-

¹⁸ *Васильевский В.Г.* Материалы по внутренней истории Византийского государства//Василевский В.Г. Избранные труды по истории Византии. В 2 кн. Книга 2. М., 2010. С.698.

ную свободу от таких попечений? Разве оно не поставляет в посрамление нам беззаботность птиц? Взгляни, какой образ жизни вели святые отцы, которые просияли в Египте, Палестине, Александрии и других местах, и ты найдешь, что жизнь их была до такой степени проста, как будто они имеют лишь душу и достигли бестелесности ангелов. Христос сказал, что только усиливающийся достигает Царствия Небесного и что оно приобретается многими скорбями. Но когда я посмотрю на тех, кто дает обеты удаляться от сей жизни, и переменной одежды как бы знаменуют перемену жизни, и вижу, как они обращают в ложь свои обеты и как противоречат поведением своей наружности, то я не знаю, как назвать это, как не комедией, придуманной для посрамления имени Христова. Не апостольская эта заповедь, не отеческое предание – приобретение громадных имений и множество забот о плодах, приносимых деревьями... Кто из святых отцов учил их этому и каким внушениям следуют они, дойдя до такого излишества, до такого, по слову Давидову, суетного безумия?»¹⁹.

¹⁹ *Лебедев А.П.* Царствование Византийского императора Никифора Фоки в церковно-историческом отношении (963-969)// *Лебедев А.П.* История Византии. М., 2005. С. 224-225.

III

Все сказанное давно и широко известно и едва ли нуждалось бы в повторении, если бы не возникла необходимость использовать эти исторические прецеденты как *фон* для обозначения еще более значимого участия императора в делах Церкви. А именно для констатации того факта, что само понятие «Церковь», т.е. определение, какое религиозное общество вправе именоваться этим именем, а какое – нет, являлось прерогативой императорской власти.

Первый полнокровный пример дал уже *св. Феодосий Великий* (379-395). В Константинополе, 27 февраля 380 г., император громогласно заявил: «Нам угодно, чтобы все народы, управляемые нашим милосердием и умеренностью, твердо держались той религии, которой поучал римлян св. Петр, которая верно сохранялась Преданием и которую в настоящее время исповедует первосвященник *Дамас* (Римский папа в 366-384 гг. – *А.В.*) и Александрийский епископ *Петр* (патриарх в 373-374 и 379-380 гг. – *А.В.*) – человек апостольской святости. Согласно с учением апостолов и правилами Евангелия, будем верить в единое Божество Отца, Сына и Святого Духа, соединяющихся с равным величием в благочестивой Троице. Последователям этого учения мы дозволяем принять название *христиан кафолических* (выделено мной. – *А. В.*), а так как всех остальных мы считаем за сумасбродных

безумцев, то мы клеймим их позорным названием еретиков и объявляем, что их сборища впредь не должны присваивать себе почетное наименование церквей. Кроме приговора Божественного правосудия, они должны будут понести строгие наказания, каким заблагорассудится подвергнуть их наша власть, руководимая небесной мудростью»²⁰.

В последующем императоры *св. Лев I Великий* (457-474), *Юстин I* (518-527) и *св. Юстиниан Великий* квалифицировали, как незаконные самопровозглашенные религиозные общества, отстаивавшие собственные редакции христианских догматов. Единственно легитимной в глазах императора, а, следовательно, и всего общества, являлась православная Церковь, верная Халкидонскому оросу.

Так, в 82-й новелле, изданной в 544 г., *св. Юстиниан Великий* писал: «Что касается еретиков, не почитающих ни Бога, ни наказаний, которыми угрожают им наши суровые законы, тайно сходящихся на сборища и устраивающих свои крещения, то я считаю благочестивым деянием принудить их этим эдиктом оставить свое еретическое безумие и поспешить примкнуть к Святой Божией Церкви, в которой исповедуется истинное учение и проклинаются все ереси вместе с их защитниками»²¹.

²⁰ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. Ярославль, 1908. С. 475.

²¹ *Геростергиос Астериос.* Юстиниан Великий – император и святой. М., 2010. С. 103, 104.

Помимо этого, св. Юстиниан лишил еретиков права распространять свои учения, поставлять клириков, иметь храмы, осуществлять общественное богослужение и совершать таинства и требы. Иными словами, вообще не признал такие общества *религиозными* и объявил нелегитимными. Интересно заметить, что царские прещения распространялись и на их членов, как римских граждан – опять к вопросу о сосуществовании Церкви и государства. В частности, еретикам запрещалось занимать государственные должности, приобретать рабов, заниматься публичным воспитанием детей. Брак православных с еретиками считался прелюбодеянием, и супруга покойного не обладала правом вступления в наследство. Дети от супругов-еретиков передавались в государственные сиротские учреждения, причем их непременно воспитывали в православной вере. Как правило, еретикам не разрешалось выступать в качестве свидетелей в суде²².

Вполне допускаем что эти практики вызовут отторжение у сторонников «церковной чистоты». Но не следует забывать, что только и исключительно благодаря этому Церковь, как корабль, постоянно терзаемый бурями ересей, прошел через Сциллу и Харибду, не потерпев урона. А что полезно для Церкви, то и является правомерным и единственно правильным.

Если далее взглянуть «по диагонали» веков, то без труда

²² *Феоктист (Попов), иеродиакон*. Император Юстиниан и его заслуги в отношении к Церкви Христовой. С. 128, 129.

обнаружится, что и в последующие века императоры поступали аналогичным образом. И лишь благодаря этой практике Церковь оказывалась многократно спасенной от цунами ересей и внутренних неурядиц.

Для примера можно привести события времен Реформации, когда перед императором *Карлом V* (1519-1556), как и перед венценосными особами во Франции, Испании, Португалии и Германии возникла дилемма: *какую* именно Церковь следует признать христианской и легитимной: Римо-католическую, Лютеранскую или Кальвинистскую? Надо сказать, что волна Реформации в считанные годы буквально *разметала* Римо-католическую церковь, оказавшуюся на грани катастрофы. Более того, сами протестанты, первоначально сплотившиеся вокруг Кальвина и Лютера, вскоре раскололись на множество различных толков, которых, тем не менее, объединяла ненависть к католикам и желание реформировать Церковь и христианское вероучение.

В чешских землях лютеранство вызвало радикализацию «утраквистов», спровоцировав между ними раскол на консервативное и реформаторское крылья, а также породило многочисленные течения, отстаивавшие еще более крайние взгляды. Это были «анабаптисты», «одержимцы», бесновавшиеся в молитвенном экстазе, «адамиты», учившие, что нагота и промискуитет возвращают невинность райского сада, «унитаристы», отрицавшие Божественную природу Христа, и многие другие. Лютеранство процветало там, где большин-

ство составляли немцы, в частности почти целиком захватило Австрию, где девять немцев из десяти являлись протестантами. Но, например, в сельской местности Венгрии с 1530-х гг. популярным стал кальвинизм.

Предпринятая в 1528 г. инспекция монастырей и приходов Священной Римской империи германской нации повсюду обнаружила глубокое разложение. В Шотландском монастыре, основанном ирландскими монахами, расположенном в самом центре Вены, осталось всего семеро братьев, а студентов в Венском университете набралось лишь три десятка. В докладах инспекторов сообщалось о монашках, оставивших служение и взявших себе мужей или отправившихся странствовать по дорогам. В штрийском Адмонте монахини не только держали у себя протестантские книги, но и расхищали монастырское имущество. В целом, к 1530 г. протестанты составляли большинство в ландтагах Верхней и Нижней Австрии. Похожей была ситуация и в Венгрии²³.

Даже некогда благочестивая Бавария склонялась к тому, чтобы принять Реформацию. Симония, распущенность, продажность священства достигли такой степени, что Баварский герцог *Альберт V* (1550-1579) с прискорбием констатировал: во всей Баварии удалось обнаружить всего *четырёх* (!) клириков, не живущих открыто со своими конкубинками (сожительницами)²⁴.

²³ *Рейди Мартин*. Габсбурги. Власть над миром. М., 2023. С.115-117.

²⁴ *Филиппсон М.* Религиозная контрреволюция в XVI веке. Триентский собор.

Франция, раздираемая гражданскими войнами, вызванными религиозным противостоянием католиков и протестантов, находилась не в лучшем положении. В Польше протестанты также смело бросали вызов католикам. А в 1561 г. Молдавский князь *Яков Гераклид* (1561 -1562) стал первым европейским монархом, официально перешедшим в протестантизм.

В последующие годы вся австрийская элита и дворянство соседних герцогств на 80-90% перешла в протестантизм. Даже крестьяне-католики требовали, чтобы причастие подавали под двумя видами всем католикам. Там, где священники отказывали это делать, их изгоняли, либо паства расходилась по другим приходам. Монастыри в самых католических частях Тироля пришли в упадок. В крупном цистерцианском монастыре в Штамсе к 1574 г. оставалось лишь двое престарелых монахов. А зонненбургские монахи ели и пили в местных тавернах, при этом посетители уверяли, что эта обитель не так плоха, как другие. В 1571 г. во время папской инспекции кафедрального собора в Бриксене, в Италии, из всего капитула в наличие оказалось лишь 5 клириков, но и они тут же отреклись от своих обетов, едва их призвали к послушанию²⁵.

Поразительно: тысячу лет Римо-католическая церковь воспитывала человека, имея для этого все необходимые

М., 2011.С.66, 180, 214, 215.

²⁵ *Рейди Мартин*. Габсбурги. Власть над миром. С.159-162.

средства. И тем не менее, взяв книгу Лютера в руки, западный христианин с легкостью отверг наследие отцов и дедов. В эту минуту, когда от решения императора зависело все, исключительно благодаря Карлу V предпочтение было отдано Римо-католической церкви, а не протестантским конгрегациям. Хотя, с точки зрения политической выгоды, императору, пожалуй, было бы практичнее принять сторону лютеран или кальвинистов – не однозначные, мягко выражаясь, отношения между императорской властью и Римской кафедрой в течение минувших веков ни для кого не являлись секретом. Рассказывают, что молодой монарх являл в эти минуты твердость п вере и едва ли не в одиночку отстаивал строго католическую точку зрения, возвышаясь даже до пророчества. Как потомок Римских императоров, Испанских королей и Австрийских эрцгерцогов, он заявил, что искоренит ересь, даже если ему придется поставить на карту собственную жизнь, тело и душу²⁶.

Как следствие, по инициативе императора был созван и после многих перипетий завершил работу знаменитый Тридентский собор 1545-1563 годов, буквально спасший Римо-католическую церковь. Карла V поддержал Французский король *Франциск I* (1515-1547), потребовавший от папы преобразовать курию, уменьшить число кардиналов, уничтожить противозаконные привилегии епископов, ограничить

²⁶ *Бецольд Фридрих фон*. История Реформации в Германии. В 2 т. 1. СПб., 1900. С.351.

случаи отлучения от Церкви и прекратить симонию²⁷.

Именно императоры Священной Римской империи постановили (кажется, впервые в 1579 г. на заседании Ландтага в Крайны), что неуважение таинств и отказ от участия в католических богослужениях ведут к беспорядку и тем самым подрывают авторитет правителя. Поэтому, соблюдение католических обрядов «есть теперь вопрос не только веры, но верховенства суверена и должного повиновения подданных». Еще резче высказался Венский епископ Мельхиор Клесль: «Отошедшие от истинной веры по природе своей неблагонадежны».

Из городов Тироля и Внутренней Австрии изгоняли протестантских проповедников, а чиновников обязывали пописывать клятву верности Католической церкви. А в 1585 г. эрцгерцог *Фердинанд Тирольский* (1529-1595), следуя императорской воле, приказал провести ревизию всех религиозных книг в своей провинции и подтвердил, что на благоклонность правителя могут рассчитывать только те, кто верен католическим догматам. И хотя в ответ протестанты организовали несколько крупных восстаний – наиболее известные в 80 – х годах XVI столетия в Нижней Австрии и в 1590 г. в Праге, но переломить тенденцию восстановления католичества они не смогли²⁸.

²⁷ *Филиппсон М.* Религиозная контрреволюция в XVI веке. Триентский собор. С.213.

²⁸ *Рейди Мартин.* Габсбурги. Власть над миром. С.164, 165.

В аналогичном состоянии оказалась веком позже и Русская церковь накануне Раскола – народ не причащался, не венчался, не молился, всячески избегая вообще церковных таинств. Масштаб уклонения от них был таков, что, по одному справедливому замечанию, именно этим объясняется чрезвычайно широкое распространение в скором времени беспоповских толков и уменьшения таинств даже ниже числа, принятого у лютеран²⁹.

Кто спас Церковь? Церковная бюрократия, могуче расцветшая при патриархах *Филарете* (1619-1633) и *Никоне* (1652-1666)? Епископы и монахи? Греки, которые дали нам веру? Нет. Более того, именно их амбициозная позиция на Московском соборе 1666-67 гг. во многом способствовала расширению Раскола, его масштабированию³⁰. Как на Западе Церковь спас император, так в России ее спасал – *царь*.

Когда разразился Раскол, и почти каждый третий русский христианин покинул «официальную» Церковь, только твердая позиция царей *Алексея Михайловича* (1645-1676) и *Федора Алексеевича* (1676-1682) спасла Московский патриархат от упразднения и внутреннего разложения. Народ желал верить так, как верует царь, и это предрешило вопрос о том, где истинная вера и Церковь. Более того, царь был вынужден

²⁹ *Асмус Валентин, протоиерей*. Император Петр Великий и его церковная реформа. Деятельность Петра в свете византийских традиций церковно-государственных отношений// Официальный сайт Московского патриархата. 9.12.2022.

³⁰ *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской православной церкви. В 2 т. Т. 2. СПб., 2004. С.182-188.

решать конфликт не только с вождями Раскола, но и с собственным священноначалием, которое, развращенное Смутой, в отличие от прежних времен активно вмешивалось в дела государства во вред ему и Русской церкви³¹.

Надо сказать, что при решении вопроса о том, какую партию поддержать, царь не мог не знать тот печальный факт, что совокупная численность старообрядческих общин чрезвычайно велика. О масштабах Раскола *приблизительное* впечатление дают следующие цифры. При всех попытках старообрядцев скрыть свою принадлежность к соответствующим религиозным организациям, их количество в XVIII и даже в XIX вв. оказывалось весьма и весьма значительным. В частности, по оценкам Министерства внутренних дел, к 1855 г. в Российской империи православных насчитывалось около 50 млн человек, из которых 32 млн являлись великороссами, а старообрядцев – 15 млн человек. Иными словами, по *официальным* данным, которые справедливо считались заниженными, от 30 до 45% великороссов являлись старообрядцами. Во всяком случае, к концу XIX столетия численность тех великороссов, кто не принадлежал к Русской церкви, была не менее 20% населения³².

Заметим при том, что в отличие от многих православных, особенно из дворян, которые в значительной степени лишь *номинально* причислялись к православным, старооб-

³¹ Белов Е.А. Русская история до реформы Петра Великого. СПб., 1895. С.412.

³² Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В 2 т. Т.2. М., 2016. С.367-369.

рядцы как раз отличались завидным упорством и осознанностью выбора. Согласимся: в условиях, когда численность обеих партий была приблизительно равна, исключительно позиция царя предопределила ответ на вопрос, какая Церковь – настоящая.

IV

Как известно, лишь в периоды гонений спасительная зависимость Церкви от верховной политической власти становилась ей в тягость. Но именно по той причине, что языческие и атеистические правительства либо не признавали ее в числе легитимных организаций, объявляя Церковь *вне закона*, либо, категорически не признавая ее божественной природы и относясь к ней как к одному из общественных союзов (вроде «клуба любителей пива»), *терпели* ее существование, взяв одновременно с тем ее под свой жесткий административный контроль, который, конечно, не искал своей целью благоденствие церковного мира.

Впрочем, нередко перечень негативных для Церкви страниц любят увеличивать в объеме, вспоминая ситуации, когда императорская власть активно поддерживала партии, позднее признанные заблуждающимися относительно тех или иных догматов веры – ариане, несторианцы, монофизиты, монофелиты, иконоборцы. В качестве одного из «мрачных» примеров обычно приводят императора *Констанция* (337-361), сына св. Константина Великого, не только поддерживавшего умеренных ариан, выславшего в ссылку святителя Афанасия Великого (память 18 января), но и признавшего себя «*episcopus episcoporum*» («епископ епископов»), а свой закон – высшим канонам.

Однако конкретные обстоятельства времени и места, а также контекст тех далеких событий без труда позволяют снять обвинения с императора. То была эпоха, когда *вся* Церковь за исключением великих мужей из числа православных и вождей ариан разных толков являла собой подвижный, текучий, неустойчивый элемент. «Партии сближались, разъединялись, опять образовывались новые. Все представляло какой-то бурно стремящийся поток. Взгляды партий на своих друзей и недругов не были устойчивы. Кто считался другом своим для одних в известной партии, тот же считался недругом, волком, у других в той же партии»³³.

В этих условиях никакое вероисповедальное сближение становилось невозможным до тех пор, пока вся Церковь не преодолела в себе болезнь арианской ереси. И главное, чего сумел добиться император Констанций в этих условиях, – обеспечить хотя бы внешнее *единство* Церкви, не допустить формирования параллельных церковных организаций. Он искренне (и справедливо!) полагал, что при хотя бы внешнем единстве Церкви истина сама рано или поздно, но пробьет себе дорогу, и Господь даст епископам сил и разумения для словесного определения важнейшего для всего христианства догмата веры. «Он желал, чтобы все были одно, не

³³ Лебедев А.П. Вселенские Соборы IV и V веков. Обзор их догматической деятельности в связи с направлениями школ Александрийской и Антиохийской. СПб., 2004. С. 102.

рассекались и не разделялись расколами»³⁴.

В то время, когда не только Запад противостоял Востоку, но и в восточных провинциях епископы и Соборы постоянно анафематствовали друг друга, только *внешняя сила* могла хоть как-то сохранить саму возможность общецерковного общения и обсуждения спорного догматического вопроса. Такой силой мог быть и стала только императорская власть, никаких *общепризнанных* авторитетов из числа архиереев в то время не существовало; потому и появился «епископ епископов». В конце концов, именно так и произошло, как надеялся император Констанций.

Его усилия не остались недооцененными самыми духовными и авторитетными лицами. «Следовало назвать *благочестивейшим* (выделено мной. – А.В.) царя, который, не совсем еще избавившись от языческих привычек, увлечен был, скорее по простоте, нежели с умыслом, в ересь происками ариан», – писал о нем древний летописец, смывая всякую вину с лика великого императора³⁵.

Святитель Афанасий категорично отказывался признавать василевса своим гонителем, всецело перекидывая ви-

³⁴ Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский. Первое обличительное слово на царя Юлиана//Святитель Григорий Богослов. Творения. В 2 т. Т.1. М., 2007. Глава 37. С. 72.

³⁵ Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта// Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Прииск Понтийский. Сказания Прииска Понтийского. Рязань, 2005. С. 43.

ну на епископов-ариан: «Богочестивейший Царь Констанций человеколюбив, а они *против воли его разглашают* (выделено мной. – А. В.), что хотят»³⁶.

В другом послании, уже на имя самого царя, Святитель писал: «Царское приказание дает большую свободу, а желание действовать скрытно делало ясным подозрение, что не имеют они царского приказания»³⁷.

Но, пожалуй, наиболее полную и объективную характеристику императору Констанцию дал святитель Григорий Богослов (память 25 января). По его убеждению, император вовсе не был несведующим ребенком в догматическом споре, но «сам возрастал с наследием Христовым и, постепенно утверждая оное, возрастил в такую силу, что стал через сие именитее всех прежних царей»³⁸.

По утверждению св. Григория, Констанций разумением и быстротой ума во многом превосходил многих царей: «Мышца Божия руководствовала тебя во всяком намерении и действии. Благоразумие было в тебе удивительней благоразумия; самой же славы за благоразумие и могущество еще

³⁶ *Святитель Афанасий Великий*. К епископам Египта и Ливии – окружное послание против ариан // Святитель Афанасий Великий. Творения. В 4 т. Т. 2. М., 1994. С. 17.

³⁷ *Святитель Афанасий Великий*. Защитительное слово Афанасия, архиепископа Александрийского, пред Царем Констанцием // Там же. Т. 2. С. 43, 63.

³⁸ *Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский*. Первое обличительное слово на царя Юлиана. Глава 3. С. 61.

удивительней благочестие»³⁹.

Драгоценной эпитафией на его могиле начертаны слова Святителя: «Кому из знавших сколь-нибудь Констанция неизвестно, что он для благочестия, из любви к нам, из желания нам всякого блага не только готов был презреть... честь всего рода, или приращение царской власти, но за нашу безопасность, за наше спасение отдал бы даже самую державу, целый мир и свою душу, которая всякому всего дороже?»⁴⁰.

Аналогичная картина возникает при изучении *всех* остальных вселенских ересей, в которые по недоразумению или случайными обстоятельствами были замешаны другие венценосные христианские особы. При внимательном их изучении всегда обнаруживается высокое промыслительное значение для Церкви этих случайных и всегда неосознанных заблуждений. Как обычно, Господь Вседержитель сами человеческие ошибки, если только они не были *умышленно* направлены против Бога, попускает к нашему же благу...

История – не слагаемая абсолютных математических истин, она – наука о человеке и его жизненном пути, надеждах, мечтах, удачах и ошибках, а потому обычно объективна в фактах и нередко субъективна в выводах: не только излагает

³⁹ Там же. Глава 35. С. 71.

⁴⁰ Там же. Глава 36. С. 71, 72.

события, но и *оценивает* их с точки зрения исследователя.

Каждого из нас в назначенный день и час ждет последний миг бытия и окончательный отчет о своей жизни на высшем и беспристрастном Суде Христовом. И история не должна претендовать на то, чтобы *предвосхищать* его итог: человеку не дано подняться до высот Божьей справедливости. Но зато ей доступно иное: сравнивая людей и эпохи, выставляя в качестве доводов не слова, а *факты*, она способна определять, что полезно человеку, обществу и Церкви, а что – нет. В свете сказанного едва ли можно предложить какой-либо иной благодетельный и счастливый век расцвета Кафолической Церкви, как в эпоху ее *государственного бытия* под главенством императорской христианской власти...